

ГЛАВА 30. Шушу, не ходи на Дуньэ!

Клубы черного дыма поднимались к серому небу.

Горожане в Учжуне останавливали свои труды и приставляли ладони к глазам, чтобы рассмотреть, что там происходит.

Бай Юй и Сян Юй сквозь огонь и дым смотрели друг на друга.

Люди бегали вокруг, носили воду, загорались руками от пламени, тащили на улицу сундуки.

Два человека были неподвижны - один, большой, в темной солдатской одежде, за порогом, и другая, маленькая, в белой длинной рубашке, в комнате.

Среди криков и хаоса время как будто замерло между ними.

Слуги во дворе делали вид, что усердно тушат пожар, но каждый хотел посмотреть, как генерал Сян, всегда такой бесстрастный, будет спасать любимую наложницу. Неужели шагнет в пламя и подхватит на руки?

- Бай Юй, выйди оттуда, - приказал Сян Юй.

- Не могу! Здесь бамбуковые рукописи! - ответила Бай Юй.

- Как хочешь, - сказал Сян Юй.

Бай Юй схватила с кровати покрывало и начала ползать на четвереньках по полу и кидать в него дощечки с записями. Потом она кинула туда же несколько лакированных чашек, расписанных кинуварью, схватила из угла резных хранителей, торопливо собрала все в узел и вытащила из комнаты.

Ее господин мрачно наблюдал и боролся с желанием толкнуть ее назад в огонь.

Эта девчонка! Ни секунды не проходит, чтобы она не натворила чего-нибудь!

Это не человек, это злой демон, свалившийся ему на голову, сеющий смерть и разрушение!

Теперь она сожгла восточный флигель.

Бай Юй снова бросилась в горящую комнату и выбежала оттуда с двумя ящиками письменных принадлежностей.

О чем она вообще думает?!

Бай Юй остановилась на секунду с растерянностью в глазах.

- Там человек!

Она вдруг подумала о слуге, который остался лежать на полу в луже крови.

Бай Юй была достойной ученицей профессора Лоу - если бы здание исторического факультета загорелось, Лоу-лаоши тоже сначала спасал бы бамбуковые дощечки, а потом вспомнил бы про студентов. Может быть.

- Сян Юй, там человек без сознания!

Она даже забыла назвать его господином.

- Там человек! - крикнула Бай Юй и схватила Сян Юя за рукав.

- Бай Юй, там нет человека, - сказал Сян Юй.

- Там...

Она вдруг замолчала.

Она неуверенно обвела глазами двор. Все стояли и смотрели на нее. Ми-фужэнь, встретившись с ней взглядом, задрожала и попятилась.

- Он мертвый, - сказал Сян Юй.

- Я... Я его убила?

Мертвый... слово эхом отдалось в ушах Бай Юй.

Она убила человека?

Как такое могло случиться?

Она не могла поверить.

Она посмотрела в глаза людей, столпившихся у крыльца - и поверила. В их глазах был страх.

Силы вдруг покинули ее, Бай Юй еле удержалась на ногах.

- Ты отправишься в холодный двор, - сказал Сян Юй. - Скажи, чтобы слуги перенесли твои вещи.

Его низкий голос звучал бесцветно.

У Бай Юй не было никакого желания объяснять, как все получилось. В любом случае, Сян Юй не будет ее слушать. Ей вдруг стало все равно, что с ней будет дальше. Она чувствовала, что никакого наказания не будет достаточно, чтобы расплатиться за то, что она сделала. Перед глазами стояло лицо несчастного слуги, который неуклюже топтался между нею и Ми-фужэнь, как между двумя драконами.

Бай Юй низко опустила голову и ждала что еще скажет господин.

Сян Юй посмотрел на ее пустое лицо. Он посмотрел на тыльную сторону ее ладоней, покрытых расползающимися синяками от побоев.

Потом он посмотрел на дымящийся флигель, внутри которого шипели остатки пожара, и на съежившуюся за спинами у слуг Ми-фужэнь.

Бай Юй стояла, уронив руки.

Маленькая, перемазанная сажей, с обгоревшим рукавом, она безучастно стояла под тяжелым взглядом своего господина.

Сян Юй понял, что она не будет ни просить, ни оправдываться.

Он вздохнул.

Он сказал:

- Бай Юй, сейчас у меня нет времени, завтра я уйду с войсками на Чэнъян. Шу-фу тоже уходит... Слушайся Ми-фужэнь.

Сян Лян уходит?

Это было, как смерть, в которую человек не верит до последней минуты. Каждый знает, что придется умереть, но не хочет понимать, что это правда, иначе жить было бы невозможно. Она знала, что Сян Лян рано или поздно уедет, но все равно не верила и надеялась на чудо.

Так вот по какому поводу пировали.

Сян Юй в последний раз посмотрел на свою младшую наложницу.

На том месте, где она только что стояла, никого не было!

Ее маленький силуэт с белой рубашке исчез в воротах двора.

Сян Лян в это время был занят, раздавая приказы перед завтрашним выступлением.

Солдаты и командиры приходили и уходили, в мужской половине усадьбы царил суета, неизбежная перед большим походом. С городской окраины доносился звон металла из походных кузниц и удары сборных барабанов.

Войско Циня вышло из-за западных застав и двигалось к северной границе Чу, уничтожая очаги сопротивления во всех подвластных землях и убивая вожakov. Из царства Ци уже прислали за помощью. Город Дунъэ готовился к осаде.

Цинь был еще силен, но для этого похода они собрали последние силы, пора было нанести им решающий удар.

Он вдруг понял, что все во дворе замолчали и больше не смотрят на него.

Сян Лян обернулся.

В двух шагах за его спиной стояла Бай Юй, босиком, в домашней рубашке, измазанная сажей, с огромными круглыми черными глазами, не отрывающимися от него.

Так, словно ее небесная душа потеряла земную душу.*[89].

Сердце его невольно сжалось от жалости.

Не успев подумать, что он делает, Сян Лян одним движением развязал на себе верхнюю рубаху и укутал ею наложницу приемного сына. Его рубашка была ей почти до пят, как платье.

Сян Юй потемневшими глазами наблюдал за ними из ворот.

Все остальные, кто был во дворе, быстро убрались подальше, потому что не хотели быть свидетелями неподобающей сцены.

- Сян Лян.

Голос не слушался ее, он был еле слышен.

- Сян Лян, не ходи на Дуньэ!

Двое мужчин, оставшиеся во дворе, тяжело вздохнули.

- Шушу, пожалуйста! Шушу, не ходи на Дуньэ!

Глаза Бай Юй начали наполняться слезами, она комкала грубую ткань солдатской рубашки, покрывавшую ей плечи.

- Тебя убьют, - прошептала она.

- Бай Юй, - нахмурившись медленно сказал Сян Лян. - Не бойся, девочка. Не надо тебе думать про такие вещи.

Он посмотрел на Сян Юя, прося о помощи, но Сян Юй только сузил глаза и промолчал.

Сян Лян не знал, плакать ему или смеяться.

Конечно, он не воспринимал ее слова всерьез. Сян Лян видел перед собой неразумную молоденькую девочку, напуганную тем, что мужчины идут на войну. Вот почему мудрые говорят, что женщинам не следует рассуждать о делах за пределами своих дворов. Сплошные слезы и страхи, кому это сейчас нужно?

- Возьми с собой Сян Юя, пускай Лиу Бан один идет на усмирение Чэнъяна! - упрямо сказала Бай Юй.

- Ты знаешь Лиу Бана? - нахмурившись, спросил Сян Юй.

Знаю ли я Лиу Бана?! Давай ты прочитаешь восемь томов "Исторических записок" Сыма Цяня и 128 биографий из "Книги Хань"*[90], а потом ты, чертов двоечник, будешь спрашивать меня, знаю ли я Лиу Бана, первого императора династии Хань! Сейчас он твой друг и побратим, а через год вы развяжете с ним войну между Чу и Ханем, и он убьет тебя! Твою мать, я еще как знаю Лиу Бана! Это ты, Сян Юй, его не знаешь.

- Бай Юй, тебе не о чем волноваться, - попытался объяснить Сян Лян. - В армию Циня набрали каторжников, это не войска а отбросы. Их командующий всю жизнь занимался сбором податей, он не знает военного дела. Мы должны покончить с Цинем раз и навсегда, понимаешь?

Он улыбнулся ей, как маленькому ребенку, и лучистые морщинки засияли в уголках его карих глаз.

- Твой шушу выдержал в жизни сто битв.* (□□□□) Одним походом больше, одним меньше, стоит ли переживать? На этот раз мы ударим вместе с войсками из Ци, так что победа нам обеспечена...

- Шушу, послушай меня, - с мольбой заговорила Бай Юй. Она торопилась сказать, пока ее не прогнали. - Сейчас у Чжан Ханя войск мало, это так, да и тех пригнали с каторжных работ на горе Лишань*[91], но лучшие императорские войска уже выходят ему на помощь... Послушай, союзники из Ци бросят тебя после битвы при Дуньэ, и под Динтао твои войска окажутся против объединенной армии Циня! Шушу, послушай меня!

Мужчины удивленно переглянулись.

По крайней мере, они ее слушали!

Бай Юй ухватила Сян Ляна за руку - за эту сильную руку, которая поддержала ее, когда она попала в новый незнакомый мир:

- Сян Юй и Лиу Бан в это время будут у Чэнъяна и не смогут тебе помочь!

Сян Юй безнадежно покачал головой. Он уже заметил, что эта маленькая придурковатая наложница, которая не умела себя вести и не знала простейших правил, иногда обнаруживала, что разбирается в вещах, о которых женщинам вообще думать не положено!

Она не могла пристойно поклониться и выглядела, как чучело, зато читала и писала, рисовала, резала по дереву и проявляла необычный интерес к военному делу.

Чему только учил ее Бай Шэнь?

Теперь оказалось, что она знает города Поднебесной и имена военачальников. И чего только уже не напридумывала!

Женщины.

Лучше бы причесалась!

И не бегала босиком без верхней одежды!

(Сян Юй, с усталым вздохом:) - Все будет хорошо, небо нам благоволит. Даоцзунь Фэн Цзы*[92] гадал по испарениям и беседовал с духами.

Старый псих Фэн Цзы? Вот вы кого слушаете?!

Бай Юй поняла, что все, что она им говорила, было бесполезно!

Слезы переполнили глаза и полились по щекам.

- Шушу... ну, послушай меня!...

Слезы мешали ей говорить.

Ощущение своего бессилия разрывало грудь, как будто Сян Ляна уже убивали у нее на глазах!

- Ыыыы... Шушу-у-у...

Бай Юй позорно разревелась, цепляясь за локоть Сян Ляна.

Два огромных мужчины беспомощно смотрели на ее жалкую фигурку.

- Ы-ы-ы-ы-ы-ы-ы-ы!

- Бай Юй, девочка... - Сян Лян хотел что-то сказать.

В это время другая сильная рука взяла ее за запястье и оторвала от Сян Ляна.

Сжимая пальцы, как стальные тиски, Сян Юй, с неподвижным лицом, молча шагнул через

усадыбу и тащил за собой рыдающую Бай Юй. Ослепшая от слез, она спотыкалась на каждом шагу, но он ни разу не обернулся.

В дальнем углу усадьбы, в заваленном хозяйственным хламом дворе, он втолкнул ее в дощатую комнату.

- Никуда отсюда не выходи! - угрюмо приказал он.

- Ы-ы-ы-ы-ы-ы-ы-ы!

Бай Юй стояла посреди комнаты и ревела в голос.

Сян Юй еще помедлил на пороге, как будто хотел что-то сказать.

В конце, он ничего не сказал и захлопнул дверь.

Она слышала, как удаляются его тяжелые шаги.

Она села на пол, прижала ладони к лицу, но слезы протекали между пальцами.

Как она плакала!

Все четыре моря вылились из ее глаз.

Соленые слезы стали горькими, как горечь в ее сердце.

Ветер плакал вместе с ней, и обезьяны жалобно завывали в лесах.*[93]

Она плакала по Сян Ляну, который не вернется с этой войны.

Она плакала по всему древнему Чу, мужчины которого погибли на поле боя.

По всему миру, который останется без их силы, их защиты, без их любви.

Обессиленная, она заснула под бой сборных барабанов, кутаясь в дядину солдатскую рубашку.

На рассвете она узнала, что войска уже выступили в поход.

*[89] 魂魄 (букв. "душа хунь потеряла душу по") - имеется в виду состояние крайней тревоги и волнения ("душа хунь" - "облачная душа", отлетает на небо в момент смерти, "душа по" - "простая душа", остается погребенная в земле вместе с телом)

*[90] 前漢書, 後漢書 "Книга Раннего Хань" и "Книги Позднего Хань" - исторический труд Бань Гу (1 в. н.э.) и Фань Е (5 в.н.э.), содержащий биографии деятелей эпохи Хань (3 в до н.э. - 3 в.н.э.)

*[91] Гора Лишань - место строительства мавзолея 1го императора Циня Шихуанди.

*[92] 道士 - уважительное обращение к даосскому священнику, подчеркивающее его опыт и статус

*[93] Вой и плач обезьян - образ горя и тоски.

□ Благодетели, ставьте лайки, это полезно для кармы! □

Благодетели, на главной странице проекта кнопочку тоже нажмите.

<http://tl.rulate.ru/book/80035/2719907>